

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ МОГИЛЕВСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Воробьева Т. С.

УДК 81'22

ББК 81.001.4

В статье рассматривается могилевский свадебный обряд в качестве текста в семиотическом смысле слова. Основное содержание статьи посвящено определению места вербального компонента в структуре могилевского свадебного обряда. Все теоретические положения иллюстрируются имеющимся этнографическим материалом с привлечением контекстов, выявленных нами в диалектологических экспедициях при работе с информантами.

Ключевые слова: могилевский свадебный обряд, обрядовый текст, этапы обряда, вербальный компонент, коды обряда.

Традиционный свадебный обряд – одно из наиболее замечательных явлений народной культуры. Он представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав весьма разнообразные по своему происхождению, характеру и функциям элементы.

Свадебный обряд можно рассматривать как текст в семиотическом смысле слова. «В этом случае под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность»¹. Элементы обрядового текста могут быть переданы как с помощью языковых знаков, так и с использованием неязыковых средств выражения: жестов, мимики, ритуалов и т.д. С учетом того, что обряд является текстом, выраженным семиотическим языком культуры, в нем выделяют «три формы, три кода или три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия)»².

В свадебном обряде, как, впрочем, и в других культурных действиях, единицы этих трех кодов могут доносить информацию самостоятельно. Но все же «нередко один и тот же смысл может дублироваться в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно»³. Единицы этих трех кодов, таким образом, можно рассматривать как синонимы.

Предметом нашего рассмотрения является вербальная сторона могилевского свадебного обряда.

Вербальный код могилевского свадебного обряда включает разные жанровые формы словесных элементов: слово, термин, ритуальный диалог, заговор, паремия, приговор, благопожелание, фольклорный текст и др. «При этом ... язык – не просто один из кодов культуры, а ее первоначальная основа, которая всегда стоит за любым другим культурным знаком, к какому бы субстанциональному коду он ни относился, ибо все выражаемое культурными текстами может быть выражено и средствами языка»⁴.

Одни жанровые формы встречаются на каждом этапе свадебного обряда, другие приурочены к определенному эпизоду.

Повсеместно свадебный обряд начинался со сватовства, для которого характерны метафорические диалоги хозяев и гостей. К примеру, в д. Липовка Хотимского района это, по словам информантов, выглядело таким образом: *Приехали, здароўкаюцца и просяцца на начлех. Гаворуть: «Мы ехали долга па палям, па лясам, па гарам. Нашли світыялёк у гэтай хаты і ряхылы напросіцца на начлех». А ім атвечаюць: «Заходіть, гості дарагія. Хлеба, соли к нашаму сталу». Яны садыцца за стол. Сват гаворыць: «Есть и вячэра, есть и де присланицца. А есть у вас печка, краваті?» Патом радители дейкі спрашываюць: «А чаго вы ехали, чаго шлі, чаго заблуділі?» Сват гаворыць: «Ехали, ехали, да и ни приехали. Наш купец – моладец, ваш тавар – дэвіца ясная, прынцэса прыкрасная».*

В случае согласия хозяева угощали гостей водкой, причем невеста сама должна была угостить жениха. Согласие выйти замуж могло демонстрироваться особыми обрядовыми действиями. Невеста выносила сама и ставила на стол чарки (д. Липовка), стаканы с водой (д. Молятичи), бутылку с зерном (д. Б. Рубановка), символически подметала избу от порога к столу и т.д.

¹ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 23.

² Там же.

³ Гура А.В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М.: Индрик, 2006. – Вып. 10. – С. 268.

⁴ Толстая С.М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. Studia Ethnologica AB 60. – СПб., 2007. – С. 31.

В случае отказа на стол ставились перевернутые стаканы (д. Узкое), «гарбуз» (д. Баевка), невеста подметала избу от стола к порогу, а могла даже не выйти к гостям.

Такая жанровая форма, как приговор, используется почти на всех этапах свадебного обряда. Например, еще до свадьбы мать дочери говорила: «Ни сяди, дачушка, пат тяньком, а сяди пад грибяньком» (д. Нестерово Мстиславского района). В этих словах показана важность подготовки приданого к свадьбе.

Перед отправлением свадебного поезда к невесте жениха благословляли родители, используя при этом слова: «*Благаслаўляим хлебам, солью, добрым здароўям на добры путь шчасливай, крепкой супружыскай жыцци*» (д. Липовка Хотимского района).

В ритуальном одаривании молодых свату предписывалось произнесение определенных слов, которые выступали знаком к началу этой процедуры. «*Сват бирёт тарелку, насыпает мелачь, накрываит тарелку палатенцам и барабанит. Булка ложыцца на тарэлку, у якой насыпана соль. Сват барабанить мелаччу и крычыць: «Ти ёсть у гэтай хати батька, матка родная? Чым даруітыя княгіню маладую? Ти валом, ти добрым здароўям, ти вечнай дружынай?»*. Батька з маткай падыходзяць, падаюць маладой пшаничную булку и гавораць: «Дарую сваю княгіню хлебам-соллю, канём, валом, добрым здароўям и вечнай дружынай». Маладая бярэ хлеп у руки и цалуя яго. Эта значыць цалуя матку» (д. Полошково Климовичского района). Такие приговоры-благопожелания представляют собой особый устойчивый и клишированный вид текста, так называемая народная «полуфразеология». «Значение такой «полуфразеологии» велико, т. к. она функционирует в сакральной ситуации, в «многокодовом тексте», где помимо вербального символа, знака или заглавия параллельно и взаимозависимо действует предметная и акциональная символика»⁵. К примеру, прежде чем произнести напутственное слово-благопожелание жениху перед отправлением свадебного поезда к невесте, родители сажали сына «на кут», давали ему булку хлеба и железные рубли. Хлеб выступал как символ достатка, изобилия и материального благополучия, а монеты приобретали апотропейное, очистительное и другие значения.

В могилевской свадебной традиции широко распространена и такая жанровая форма, как заговор. Существовало, например, много заго-

воров для вещей, которые входили в приданое. В д. Тростино Хотимского района так заговаривали платок:

*Плат, платок, чароўны пахроў,
Хай цвяты на табе гараць,
Дурны глаз адварацяць,
Маладога (імя) прыварожаць,
Ад бяды сцярожаць...⁶*

На всех этапах могилевского свадебного обряда используются поговорки. Они регламентируют разные стороны жизни человека, например, содержат в себе предписания, как должен вести себя тот или иной персонаж. «*Паднявесница на свадьби дажна быць як сарока ў леси*» (д. Липовка Хотимского района). «*Паднявесница дажна паджанишніку даць адбой, штоб была дейка-бой*» (д. Селец Мстиславского района).

Особое место среди вербальных компонентов обряда занимают термины. Терминология обряда – «это специальная терминология, ... называющая семиотически (культурно) значимые реалии – ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т.п., обозначающая сами обряды или их части»⁷.

Термины свадебного обряда принадлежат одновременно и языку, и культуре, поэтому каждый термин является знаком, «который несёт существенную информацию о внеязыковой действительности обряда»⁸.

Всю свадебную терминологию могилевского региона можно распределить по следующим группам:

1) названия обрядов, их комплексов и составных частей: *узглядны, оглядыны, поручины, ладны, просватины, сводины, обручины, пропойны, глядеть двор, закинуть сватов, пойти в сватовья* – термины, связанные со сватовством; *гуль, гульба, веселки, веселое гулянье, веселый пир, свадебный стол* – наименования собственно свадебного застолья; *круглая свадьба* – совместная свадьба дочери и сына; *крошки, пахрошны, догулы, званки, отходины, отга-*

⁶ Казакова И. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – С. 29.

⁷ Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор / Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М. : Наука, 1989. – С. 216.

⁸ Сухавіцкая І. М. Да этналінгвістычнага аналізу паўднева- і ўсходнеславянскіх вясельных тэрмінасітэм // Веснік БДУ. – 1993. – № 1. – С. 65.

цивание, пойти в отгостки, отошла свадьба, отошел стол, приходит на блины, бидоны на заборе – названия второго, третьего и последнего дня свадьбы; откупить постель – обряд продажи постели; выкупить косу, покупать воду, оплачивать невесту – обряд выкупа невесты и т.д.

2) названия действующих лиц свадебного обряда: сват, свойник, первый сват, густой сват, толстый сват, сваха, свашка, густая сваха, толстая сваха – лица, занимающиеся сватовством; сговоренка, молодая, молодуха, княгинька, подвенчица – невеста; молодой, князь – жених; молодые, молодены – молодожены; шафер, шаферка, шаферный, шаферица, подженишник, подмолодой, подневестница, дружка, дружок, подружник, первая, старшая, старший шафер, первый шафер, старший дружка, старший дружок, первая шаферка, старшая шаферка – свидетели со стороны жениха и со стороны невесты; снарядица, снаряделка – женщина, одевавшая невесту к венцу; тысяцкий – распорядитель свадебного поезда; толмач – распорядитель свадебного торжества; вечерняя сваха – женщина, привозившая постель невесты; кубельник – человек, перевозивший приданое; приданочки – гости со стороны жениха, шедшие с подарками в дом невесты; каравайница – женщина, выпекавшая каравай к свадьбе. Кроме того, зафиксированы специальные термины для родственников жениха: сватья – тетка жениха, свашка – сестра жениха, свадебная матка – мать жениха. Односельчане, которых не приглашали на свадьбу и не усаживали за столы, могли участвовать в ней в качестве зрителей, устраивать заставы – препятствия с требованием выкупа (их называли зайцами).

В словарном материале могилевских говоров эта группа составляет обширный пласт (1/3 слов всей лексико-тематической группы «Свадьба»). Именно свадебным чинам предписывалось выполнение тех или иных ритуальных действий. «Состав участников (чинов) свадьбы и их поведение довольно жестко регламентировались»⁹.

3) названия ритуальных предметов: ручник, андарат, косинка, штаны – полотенце, которым обвязывали свата; кошель, кошелек – корзина из бересты, с которой ходили свататься; вузел, выправа, пасаг, пасага, приданство – имущество и деньги, которые давали дочери при выходе замуж, приданое;

каравайница, кубатка – свадебный хлеб, ка-

равай; вильце, елка, елочка – свадебное деревце; венки, кокошник, уплет – головной убор невесты; вэль, кисея, повойник – фата невесты; обряд, сбор, шлюбное платье – свадебная одежда невесты и т.д.

4) названия ритуальных действий: дать на придачу, постель связать, трубы наткать, узлы связать – действия, связанные с подготовкой приданого; катать каравай, делить каравай – действия, связанные со свадебным хлебом;

ехать по невесту, ездить в отвод – свадебные действия в ритуале «поезда»; закидывать зайца, городить дорогу, ворота ставить – действия, связанные с препятствиями свадебному поезду; обривовать, дарить жениха, дарить невесту – действия, связанные с одариванием молодых; ходить на банкеты, водить банкеты, мышей гонять – действия, направленные на то, чтобы сблизить семьи молодоженов и т.д.

В каждой из рассмотренных групп терминология представлена как отдельными лексемами, так и устойчивыми сочетаниями слов – фразеологизмами.

Вербальный компонент могилевского свадебного обряда включает и такую жанровую форму, как фольклорный текст. Свадьбе полагалось быть песенной и речистой, веселой и грустной одновременно. «Отдельные фольклорные тексты, певшиеся или произносившиеся во время свадьбы, имели определенное обрядовое назначение и были четко закреплены за определенными свадебными чинами или их группами»¹⁰. Самыми активными исполнительницами песен были девушки – подружки невесты, и женщины – ближайшие родственницы и соседки.

Для могилевского свадебного обряда, как и для белорусского свадебного обряда вообще, характерны тематическая специализация песен и четкое прикрепление их к определенным моментам обряда. Во время заручин пели песни, посвященные самому событию, например:

Сяні ў нас заручыны,
Бог нам даў!
Заручылі дзеўку проціў панядзелку,
Бог нам даў!
І пыдаркі з тонкай кітайкі
Бог нам даў!

(д. Тростино Хотимского района)¹¹

Часто героями песен были жених и невеста:
А сягоння у нас да заравы за сталом,
Загарелися Степанавы кудерки.

⁹ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / К. В. Чистов; гл. ред. Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – С. 400.

¹⁰ Этнография восточных славян. – С. 401.

¹¹ Казакова И. В. Указ. соч. – С. 26.

Бяры, Ганначка, вядерки,
Тушы Степанавы кудерки.
(д. Лобковичи Кричевского района)

После установления невинности невесты гости пели песни, в которых прославляли в первую очередь «честную» невесту:

А ў нашым двары каліначка расцвіла,
Каліначка расцвіла, наш дварочак асвяціла,
Наш дварочак асвяціла, наш радочак ашчасціла¹².

Во время обрядовых действий породнения семей пели песни, в которых прославляли род, удачное родство и молодую семью:

Ой, бёг зайка, чараз галінку куляўсь.
Ехаў Васячка ат свайго цесьця, хваліўсь:
– Ой, Бог мне даў такога цесьця, як татка.
Ой, Бог мне даў такую цешчу, як мамка.
Ой, Бог мне даў такую жану, як я й сам¹³.

Характерной чертой могилевского свадебного обряда, как отмечают исследователи, можно отметить не совсем радушный, на первый взгляд, характер встречи сторон во время приезда жениха в дом невесты, что выражается прежде всего в пении специальных песен-дразнилок:

– А ваш малады, як пень, надуты,
А наша малада, як сыр, налита.
(д. Поляниновичи Быховского района)

На содержание таких песен никто не обижался. Их функция – создание веселья на свадьбе, которое, помимо общественно-бытового смысла, имело сакральный смысл. Оно широко использовалось в качестве оберега и средства защиты молодых от потусторонних сил, а также выполняло магическую, заклинательную функцию наделения участников свадьбы, и прежде всего ее главных персонажей – жениха и невесты – здо-

ровьем, силой, процветанием, благополучием.

Таким образом, могилевский свадебный обряд – это сложная система, в структуре которой присутствуют вербальный, акциональный, предметный и другие компоненты, из которых самым важным является вербальный. Слово не только несет эстетическую нагрузку, но и выражает самое главное, то, на что направлены все обрядовые действия, ритуальные предметы: пожелания счастья, прочного союза, семейного благополучия молодым.

Список литературы

1. Гура, А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М. : Индрик, 2006. – Вып. 10. – С. 268–279.
2. Казакова, И. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / И. В. Казакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 151 с.
3. Сухавіцкая, І. М. Да этналінгвістычнага аналізу паўднева- і ўсходнеславянскіх вясельных тэрмінасістэм // Веснік БДУ. – 1993. – № 1. – С. 65–68.
4. Сысоў, У. М. З крыніц спрадвечных / У. М. Сысоў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1997. – 415 с.
5. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. *Studia Ethnologica* АБ 60. – СПб., 2007. – С. 23–31.
6. Толстая, С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор / Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М. : Наука, 1989. – С. 215–229.
7. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
8. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / К. В. Чистов; гл. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1987. – 558 с.

VERBAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF THE MOGILEV WEDDING RITE

T. S. Vorobyeva

This article is devoted to the Mogilev wedding rite viewed as a text in the semiotic sense of the word. The article mainly aims to define the place of the verbal component in the structure of Mogilev wedding rite. Our hypothesis is based on existing ethnographic material including contexts identified during dialectological expeditions and interviews with informants.

Keywords: Mogilev wedding rite, ritual text, procedure of the rite, verbal component, rite code.

12 Сысоў У. М. З крыніц спрадвечных. – Мінск : Вышэйшая школа, 1997. – С. 319.

13 Там же. – С. 332.